

Реконструкция костюма из могильника Дашти-Козы

Т. М. Потемкина, Э. Р. Усманова

Basing on the materials of one of the richest burials of the steppe Bronze obtained from the burial ground Dashti-Kozyi on the Zeravshan river, reconstruction of a female costume has been made. The latter includes a dress, a head-dress, a belt, footwear and jewellery. The manner of wearing ornaments as well as a bell-shaped ear-ring type discovered in the reconstructed costume, which is analogous to a «steppe» costume, indicate, together with a vessel, to the presence of close ties among heterocultural tribes.

Материалы могильника степного населения эпохи бронзы Дашти-Козы (XIII–XI вв. до н. э.) представляют интерес не только для культурно-хронологических интерпретаций и определения характера и направлений культурных контактов между племенами степной и земледельческой зон. Богатый набор украшений и возможность четко фиксировать их расположение в погребениях позволяют реконструировать как способ ношения отдельных видов украшений, так и некоторые детали костюма (см. статью Т. М. Потемкиной в настоящем сборнике). Понятие «костюм» включает в себя не только собственно одежду, прикрывающую тело, но также прическу, различные дополнения — сумку, пояс, ювелирный декор и т. п. [Киреева, 1976, с. 6].

При изучении первобытных памятников мы сталкиваемся с проблемой сохранности костюма. К сожалению, за давностью лет основные конструктивные детали одежды и ее декора в материалах погребений утрачены. А вместе с тем костюм является одним из основных критериев при этнокультурной идентификации и надежным показателем социальной, половой, возрастной принадлежности его носителя [Богатырев, 1972, с. 307–308]. Кроме того, функции одежды и ее атрибутики неразрывно связаны с мировоззренческими нормами поведения человека в обществе. Данная культурологическая значимость костюма и определила исследовательский интерес к уже археологически расшифрованным материалам могильника Дашти-Козы [Исаков, Потемкина, 1989]. К тому же среди работ, посвященных вопросам изучения памятников среднеазиатской бронзы, пожалуй, только работы Н. А. Аванесовой касались реконструкции одежды [1981, с. 34–47; 1991, с. 50–72, рис. 56–62]. Поэтому восстановление деталей костюма из этого «мира» — еще одна попытка увидеть прошедшее время в реалиях культуры.

Наиболее показательны для реконструктивных операций материалы из погребения 15. Приведем его краткое описание.

На дне могильной ямы, лицом ко входу, находился костяк взрослой женщины средиземноморского типа, на левом боку, в сильно скорченном положении, головой на запад, кисти рук перед лицом (рис. 1). В области шеи погребенной найдена массивная бронзовая гривна; на каждой руке — по три крупных браслета; у затылочной части — серьга с раструбом, вторая такая же и еще одна, крючковидной формы, найдены за тазовыми костями (см. в настоящем сборнике статью Т. М. Потемкиной, рис. 1). У черепа — ряд из 16 мелких бусин в виде слабо выраженного зигзага, по середине и краям которого находилось по одной крупной бусине. Бусы, видимо, были нашиты на головной убор или налобную повязку таким образом, что создавался четкий числовой ритм узора: 1–8–1–8–1, где числа, вероятно, несли определенную смысловую нагрузку.

В области пояса и ниже таза поверх костей и под ними прослежены четкие ряды мелких бронзовых бусин. Верхний ряд в области пояса, длиной 40 см, состоял из 15 бусин; нижний, длиной 45 см, — из 16 бусин. Бусинки были нашиты на расстоянии 2–3 см друг от друга. В области расположения этого ряда бус тлен с ор-

ганическими остатками имел красную окраску. Надо полагать, что данные ряды бус являлись остатками пояса или обшивки края кофты. Что касается ряда бус ниже тазовых костей и в районе берцовых, то, вероятнее всего, бусами был обшит подол платья. За тазом компактно располагались в два ряда 4 бусины (украшение кос?). Вдоль больших берцовых костей между рядами бисера в области талии и нижнего края берцовых костей найдена низка из 10 крупных бус.

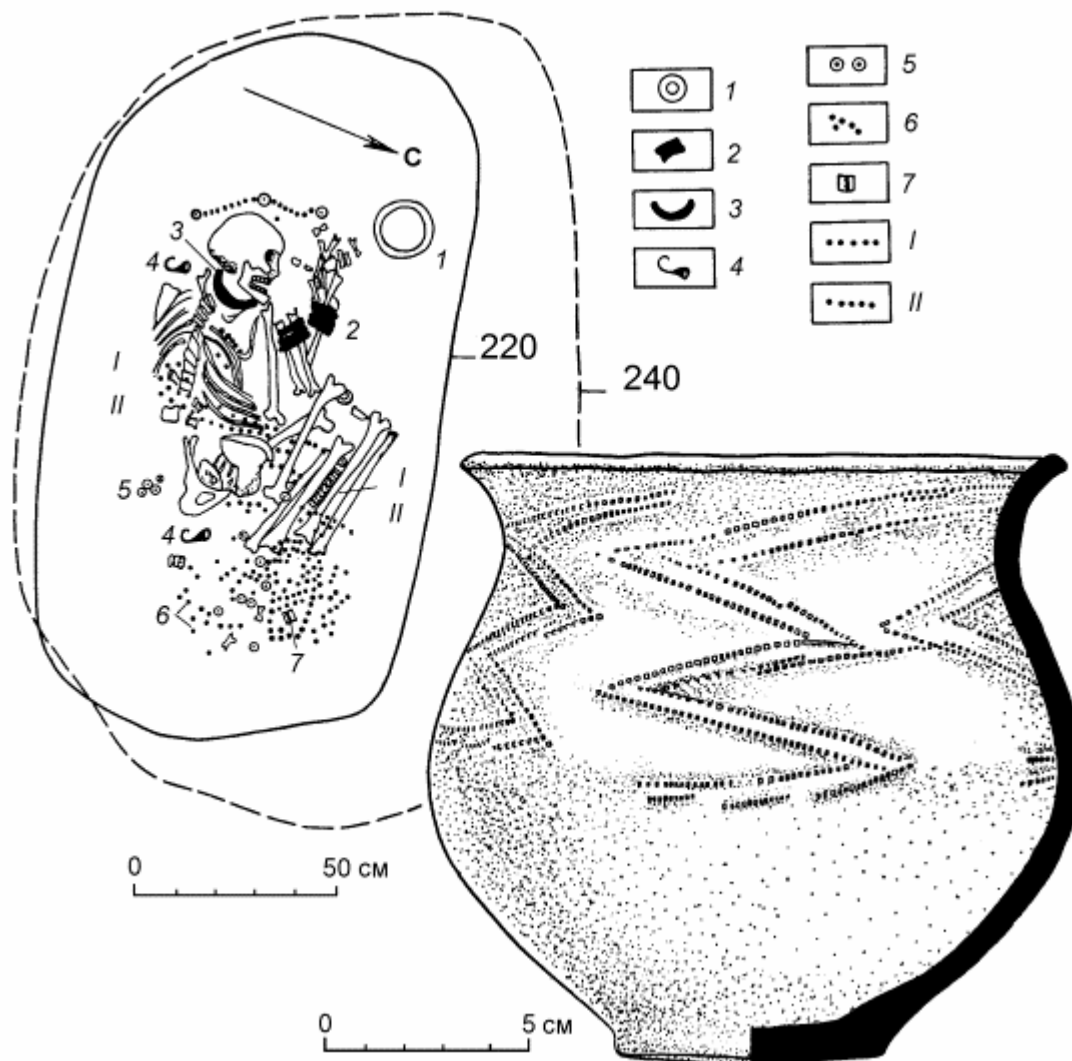


Рис. 1. Могильник Дашти-Козы, погр. 15. План и сосуд.

1 — сосуд; 2 — браслеты; 3 — гривна; 4 — серьги; 5 — крупные бусы; 6 — мелкий бисер; 7 — пастовые про-
низы; I — ряд бус под костями скелета; II — поверх костей.

Можно предположить, что эти бусы также являлись украшением пояса на его концах. Но наличие только одной низки не исключает использования бус в качестве четок, которые, как известно, до наших дней служат в религиозной практике для отсчета молитв и поклонов. Аналогичная находка сделана в Шикаевском кургане в лесостепном Зауралье в захоронении жрицы сарматского времени (VI–IV вв. до н. э.). Низка из 10 стеклянных глазчатых бусин располагалась вдоль левой ноги у нижней половины берцовых костей погребенной. Выше находился миниатюрный золотой крючок [Потемкина, 1969, с. 49, рис. 36; 1998, с. 599]. Очень важно отметить, что головной убор жрицы был богато расшит золотыми бляшками различной формы, шею украшала золотая гривна. Сочетание в отмеченных погребальных комплексах низок из 10 бус, располагавшихся вдоль берцовых костей, с расшиты-

ми головными уборами и гривнами предполагает не просто высокий статус погребенных женщин, но и их значительную роль в выполнении культово-обрядовых функций в обществе, хоть они и проживали в разные исторические эпохи. Этот факт больше склоняет нас к мысли о принадлежности описанной низки из 10 бус к четкам.

Россыпь мелких бус обнаружена в районе голеностопных суставов, где на площади 30?35 см расчищено пятно коричневого тлена с красноватым оттенком, местами красного цвета. Вероятнее всего, это остатки расшитой бусами обуви. Среди бисера находилось 10 крупных бусин и пастовая трехсекционная пронизь. Вокруг пронизи мелкий бисер образовывал рисунок в виде ромба и ровных коротких рядов (см. рис. 1). В россыпи бисера прослежено также два параллельных ряда из 3 крупных бусин, первые из которых в каждом ряду находились у нижних эпифизов больших берцовых костей. Можно предположить, что в данном случае крупные бусины выполняли функции пуговиц-застежек на обуви. Они могли также составлять рисунок узора с определенным числовым ритмом из бус различного размера, нашитых на переднюю часть обуви. Всего в погребении найдено 42 крупных и более 300 мелких бусин.

В зависимости от способа ношения украшения из погребения делятся на следующие группы: 1 — головные (серьги, декор головного убора из бус); 2 — шейные (гривна, бусы); 3 — ручные (браслеты); 4 — поясные (декор пояса из бус разного размера); 5 — ножные (низки бусин и пронизи, нашитые на обувь). Как видно, основной способ декорирования деталей одежды — вышивка бисером и бронзовыми бусинами.

Прежде всего, такой способ декора фиксируется на головном уборе. Расположение, числовой ритм и сочетание крупных бусин с мелкими, длина самой низки предполагают убор погребенной в виде головного платка-накидки. Он мог закрепляться при помощи налобной повязки (ленты), расшитой бусинами. Это мог быть и платок с пришитыми по кромке бусинами, который завязывался верхними концами на голове.

В пользу выбора именно такого вида головного убора свидетельствуют многочисленные этнографические параллели в женском костюме среднеазиатского региона [Чвырь, 1990, с. 241–242]. По своей повторяемости и сочетаемости с другими элементами декора платок можно считать своеобразным «архетипом» для традиционного костюма различных среднеазиатских этносов. Архаичным элементом традиционного женского костюма считается и налобная повязка. Учитывая, как нам представляется, особый статус погребенной в обществе, возможно связанный с культовой практикой, следует обратить внимание на числовую ритмику бус на головном уборе и число бус в сосуде, на поясе, в низке четок. Но этот вопрос требует специального исследования и еще не обеспечен достаточным фактологическим материалом.

Другой деталью костюма из погребения 15, более или менее поддающейся этнографической дешифровке, является пояс. Он также фиксируется по способу декорирования бусинами. Этнографическая распространенность пояса общеизвестна [Антипина, 1962, с. 230–231].

Обувь также была расшита бусинами. Но кости стоп не сохранились, и можно лишь предполагать орнамент в виде ромба, который украшал кожаную (?) обувь погребенной.

Сама одежда, ее покрой остаются неизвестными. Вероятно, это было цельнокройное платье красного цвета (именно такого цвета был органический тлен, обнаруженный на костяке). Платье, по всей видимости расшитое по горловине (ряд бус прослеживался в области ключиц) и подолу бусинами, подпоясывалось поясом-кушаком. Возможно, в районе горловины был разрез, а «застежка» была в

виде крючка. Выше говорилось о находке в погребении предмета, рассматриваемого в качестве крючководной серьги (см. также в настоящем сборнике статью Т. М. Потемкиной, рис. 1, 3), что не исключает использования его как височной подвески или крючка. Кстати, для платья рассматриваемого хронологического периода и региона не известна манера застегивания. Вернее, не всегда восстанавливается способ оформления горловины и вид застежки, чему в традиционном платье всегда придается определенное значение. В данном случае одежда не знает фибул, булавок. Пуговицы (костяные и металлические) распространяются в одежде поздней бронзы. Например, они обнаружены в памятниках бегазы-дандыбаевской культуры [Маргулан, 1979, с. 322, рис. 232, 17]. Вот этой, казалось бы, незначительной деталью и интересно реконструируемое платье. То, что «крючок» вместе с серьгой с раструбом находился около тазовых костей, скорее всего, является результатом разрушительной деятельности грызунов.

Таким образом, в костюм погребенной входило платье, платок-накидка, обувь. Ювелирные украшения (бронзовые серьги, гривна, браслеты) эстетически дополняют весь его облик (рис. 2). В целом манера ношения платья и головного убора типологически сходна с общей моделью традиционного среднеазиатского женского костюма. С известной долей вероятности можно говорить об общей модели костюма, происхождение которого уходит в конец II тыс. до н. э.

При этом если само платье и головной убор мы рассматриваем в диахроническом аспекте, акцентируя внимание на его среднеазиатском происхождении, то ювелирный декор интерпретируется в синхронии. Он сочетает в себе «импортные» и «местные» украшения. Серьги с раструбом по праву считаются «визитной карточкой» степных племен федоровской культуры андроновской общности. По мнению Н. А. Аванесовой, этот тип серег является наиболее ярким этнокультурным признаком (после керамики), по которому опознается федоровская культура [1991, с. 53]. А вот гривна и браслеты такого вида не имеют аналогов в ювелирных женских наборах из памятников эпохи бронзы степной зоны [Там же, с. 67–70, рис. 51–54].



Рис. 2. Могильник Дашти-Козы, погр. 15.
Реконструкция костюма.

Ювелирный декор костюма погребенной демонстрирует по-своему поведенческий мотив в выборе украшений. Комплект как бы представляет бинарную оппозицию «свой-чужой», где маркирующую функцию понятия «чужой» выполняют серьги с раструбом, а понятия «свой» — гривна и браслеты. Кстати, рассматривая головной убор в синхроническом срезе, мы не видим подобий ему в алакульском и федоровском костюмах [Евдокимов, Усманова, 1990, с. 71–74; Усманова, Ткачев, 1993, с. 76–79]. В этой связи нельзя не отметить присутствия в погребении в качестве основного маркера понятия «чужой» сосуда типично степного облика, федоровского типа (см. рис. 1).

Следовательно, наблюдается отсутствие структурного совпадения между декором и основными деталями «степного» костюма и костюма из могильника Дашти-Козы. Сходным оказывается лишь общепринятая манера ношения украшений и сам тип серег, который указывает на реально существовавшие связи между разнокультурными племенами.

В разработанной этнографами методике сравнительного изучения украшений разных этносов и регионов предлагаются модели связей. По ним определяется степень близости тех или иных народов. Этногенетическое культурное родство возможно в случае структурного совпадения традиционных наборов украшений, их сочетаний, манеры их ношения, основных принципов декора [Чвырь, 1986, с. 248]. В нашем случае сходство в костюмах как будто бы обусловлено одной деталью — серьгами. Напрашивается вывод, что контакты между населением, оставившим могильник, и степными племенами, имеющими отношение к андроновской общности, были не столь существенны. «Чужие» элементы декора принципиально не изменили облик местного костюма. Ювелирные комплекты из других женских погребений могильника также содержат серьги с раструбом, тем самым сохраняя за собой право культурологического показателя «андроновского» влияния.

Керамика из погребения — основной культурно-хронологический индикатор любого археологического комплекса, напротив, свидетельствует о тесных связях со степным андроновским миром. Сосуд с округлыми боками и плавно отогнутым наружу венчиком находился перед лицом погребенной рядом с кистями рук (см. рис. 1). Обжиг сосуда плотный, в тесте — примесь песка и толченого шамота, внешняя поверхность слегка залощена. Орнамент из сдвоенных вертикальных зигзагов в виде образующих разреженный ряд змеевидных фигур («змеек») покрывал сплошь шейку и верхнюю половину тулова сосуда; выполнен длинным мелкогребенчатым штампом. На внешней поверхности сосуда по срезу венчика, бокам, на углах доньшка — следы охры. На дне сосуда находилось 15 крупных бронзовых бусин. Данный сосуд — единственный в керамическом комплексе могильника (24 сосуда), столь тщательно изготовленный и с бусами внутри.

По форме, характеру орнаментации и технике изготовления сосуд имеет ближайšie аналогии среди посуды федоровского типа на всей территории ее распространения. Но особое сходство наблюдается с федоровской керамикой на Енисее и в Центральном Казахстане, где также довольно часто встречаются сосуды, украшенные вертикальным зигзагом, сгруппированным из 2–4 и более линий и образующим змеевидный рисунок [Маргулан, Акишев, Кадырбаев и др., 1966, с. 66, рис. III, 11; Максименков, 1978, с. 68, рис. 15, 16].

Обращает на себя внимание тот факт, что повсеместно рисунок со «змеяками» встречается на сосудах исключительно из погребальных комплексов. Особенно показателен в этом отношении грунтовый могильник Синташтинского комплекса памятников, принадлежащего, как считают исследователи, обществу ариев [Генинг В. Ф., Зданович, Генинг В. В., 1992, с. 10]. В самом же могильнике были

захоронены представители знати. Из 100 сосудов, обнаруженных в некрополе (с. 379), 11 украшены «змейками», наподобие тех, что имеются на сосуде из рассматриваемого нами погребения [Там же, рис. 47, 2, 3, 5, 6; 63, 1; 103, 7, 8; 115, 3, 4; 121, 2]. Более половины из этих сосудов имеют федоровскую форму (с плавным профилем), остальные — алакульскую (с уступчатым плечом). Орнамент во всех случаях выполнен мелким гребенчатым штампом. Сосуды со змеевидным рисунком встречаются как в самых богатых погребениях с захоронениями коней и колесницами (№ 2, 3, 8, 30), так и в детских погребениях с ординарным инвентарем (№ 32, 36).

В этой связи нельзя не обратить внимания на ярко выраженную семантику змеевидных рисунков из отмеченных керамических комплексов. Змея с древнейших времен — с эпохи неолита — была объектом религиозного отношения. Змей почти во всех мифологиях связывается с плодородием, землей, женской производящей силой, водой, дождем — с одной стороны, и домашним очагом, огнем (небесным) — с другой. В развитых вертикальных трехчленных моделях мира, в том числе индоевропейской и исторически связанной с ней индоиранской, змей является воплощением нижнего (подземного, потустороннего) мира в противопоставлении верха и низа [Мифы..., 1987, с. 468, 470; Голан, 1994, с. 74–81]. В контексте данной работы важно отметить, что образ бога земли и земных вод в облике змеи сложился в европейско-переднеазиатском ареале и позже распространился в других частях мира.

Для мировоззренческих представлений населения, оставившего могильники Синташта и Дашти-Козы, присутствие модели трехъярусной структуры мира устанавливается достоверно. Это позволяет нам рассматривать декор сосуда из погребения 15 в качестве символа нижнего мира и воды (жидкости). В таком случае можно предположить назначение и использование сосуда при жизни погребенной для совершения возлияний в разного рода ритуалах, прежде всего связанных со священным огнем. Следы подобных обрядов выявлены в процессе раскопок погребений и жертвенных ям могильника [Исаков, Потемкина, 1989, с. 160–161, 165].

Таким образом, керамика из погребения, как и серьги с раструбом, и набор украшений, и манера их ношения указывают на тесную связь населения могильника Дашти-Козы со степным андроновским миром. Структура костюма и его детали имеют местный среднеазиатский облик. Это может объясняться не только тесными контактами местных и пришлых групп населения, но и приспособлением к условиям климата. Особенности некоторых деталей костюма (головной убор, гривна, четки) могут быть связаны также с особым социальным статусом погребенной. На это указывает и узор на сосуде, его семантика, являющаяся не только показателем направления связей, но и свидетельством заметной роли погребенной в культово-обрядовой деятельности.

Литература

- Аванесова Н. А. К вопросу об одежде скотоводческих племен эпохи бронзы Средней Азии // Вопросы археологии, древней истории и этнографии. Самарканд, 1981. С. 34–46.
- Аванесова Н. А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы Азиатской части СССР. Ташкент, 1991. 200 с.
- Антипина К. И. Особенности материальной культуры и прикладного искусства Южных Киргизов. Фрунзе, 1962.
- Богатырев П. Г. Вопросы теории народного искусства. М., 1972.
- Генинг В. Ф., Зданович Г. Б., Генинг В. В. Синташта. Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Челябинск: Южно-Урал. кн. изд-во, 1992. Ч. 1. 408 с.
- Голан А. Миф и символ. М.: Русслит, 1994. 375 с.
- Евдокимов В. В., Усманова Э. Р. Знаковый статус украшений в погребальном обряде (по материалам могильников андроновской культурно-исторической общности из Центрального Казахстана // Археология Волго-Уральских степей. Челябинск, 1990. С. 66–76.

Исаков А. И., Потемкина Т. М. Могильник племен эпохи бронзы в Таджикистане // СА. 1989. № 1. С. 145–167.

Киреева Е. В. История костюма. М., 1976.

Максименков Г. А. Андроновская культура на Енисее. Л.: Наука, 1978. 189 с.

Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1966. 434 с.

Маргулан А. Х. Бегазы-дандыбаевская культура. Алма-Ата, 1979. 360 с.

Мифы народов мира. Энциклопедия. М., 1987. Т. 1.

Потемкина Т. М. Отчет Курганского пединститута об археологических раскопках в 1969 г. // Архив ИА РАН, Р-1, № 3957.

Потемкина Т. М. Шикаевские курганы // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург: Изд-во «Екатеринбург», 1998. С. 599.

Усманова Э. Р., Ткачев А. А. Головной убор и его статус в погребальном обряде (по материалам андроновских некрополей) // ВДИ. 1993. № 2. С. 75–83.

Чвырь Л. А. Сравнительный очерк традиционных украшений уйгуров и соседних народов Центральной и Средней Азии (XIX — начало XX вв.) // Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур древнего и средневекового Востока. М., 1986.

Чвырь Л. А. Уйгуры Восточного Туркестана и соседние народы в конце XIX — начале XX вв. М., 1990.

*Москва, Институт археологии РАН
Караганда, Карагандинский государственный университет*